

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.01

М.В. Юрченко, А.В. Давыдов

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ»*

* Исследование выполнено в рамках работы над научно-исследовательским проектом РГНФ «Идеологическое обеспечение реализации государственных интересов на Юге России», проект №10-03-38318а/Ю (2010-2011)

Работа посвящена анализу основополагающей категории в политологическом знании – национальной безопасности. Для решения этого проводится дискурс-анализ ключевых понятий: безопасность, государственная безопасность, национальная безопасность и национальные интересы России, исходя из имеющихся авторитетных мнений отечественных теоретиков в данной области и собственных интенций.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, государство, национальные интересы.

M.V. Yurchenko, A.V. Davydov

THE SCIENTIFIC-THEORETICAL BASES OF A CATEGORY NATIONAL SAFETY OF RUSSIA

Work is devoted the semantic analysis of a basic category in politological knowledge – national safety. For the decision of it the discourse-analysis of key concepts is spent: safety, state security, national safety and national interests of Russia, proceeding from having authoritative opinions of domestic theorists in the field.

Keywords: safety, national safety, the state, national interests.

Сфера безопасности в России всегда была монополией для государства, и не только в политическом, но и в теоретическом отношении.

Стоит отметить, что испокон веков виднейшие умы человечества пытаются решить задачу об успешном и безопасном построении государства, в котором преодолены все изъязны, а люди подлинно свободны. Так, уже Сократ рассуждал, что государство имеет необходимым условием своего создания безопасность собственного населения, ибо государство именно только так и возможно, поскольку других причин для его создания нет. Уже исходя из подобного понимания античными мыслителями феномена государственной безопасности, очевидно, что стремление обезопасить себя стало одной из основных условий объединения людей в общество, а затем и в государство. В последующем масштабы этой потребности многократно возросли, а безопасность стала главнейшей целью деятельности всего общества и государства.

Своеобразно трактовали термин безопасность в эпоху средних веков. В соответствии со словарём Робера [18], под безопасностью понималось спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако подобное представление общественного распро-

странения не имело. Но благодаря работам философов новоевропейского периода Д.Локка, Т.Гоббса, Ж.Ж. Руссо, Б.Спинозы, обративших свой взгляд на исследования сущности природы государства, терминологически безопасность стала употребляться фактически в современном понимании, то есть для обозначения состояния спокойствия, появляющегося в результате отсутствия физической и нравственной реальной опасности.

Представляется необходимым дать несколько современных определений безопасности. Так, под безопасностью принято понимать такой уровень защищенности условий реализации потребностей и интересов человека, общества, организации, государства, при котором возникновение вероятных и реальных угроз сведено к минимуму, ибо система предотвращения всех инцидентов направлена на искоренение нарушений стабильного функционирования. Так же безопасность есть такое состояние любой сложной структуры, когда действие всех факторов и коэффициентов не приводит к потере постоянного, нормального состояния, равно как и не тормозит её развитие, влияя на заданный алгоритм становления системы. Или же безопасность – это такое состояние сложной системы, когда

действие внешних и внутренних факторов не приводит к ухудшению системы или к невозможности её функционирования и развития [8, с. 109].

Однако, в принципе, все российские исследователи в 1990-е годы сходятся во мнении, что безопасность понимается как «состояния защищенности». Это привело к определенному количеству альтернативных определений. Например, П.Г. Белов, А.Е. Шарихин, А.П. Дмитриев – трактуют безопасность как отсутствие опасности [1, с. 88; 15, с. 112; 3, с. 38]; В.В. Бирюков, Ю.В. Рождественский – как отсутствие угроз [2, с. 239; 10, с. 83]; В.Ф. Молчановский – как свойство или атрибут системы [7, с. 104]; В.Д. Леоничева, А.Ю. Рыжов, П.П. Тимохин, В.Н. Иванов – как специфическую деятельность по нейтрализации реальных и потенциальных угроз обществу и государству [5, с. 45; 11, с. 380; 14, с. 30; 4, с. 53]; В.С. Поликарпов, Г.М. Сергеев – как деятельность по обеспечению благоприятных условий для развития России, защите жизненно важных национальных интересов общества и государства, достижению национальных целей, совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства, благоприятные условия для развития [8].

Также стоит заметить, что в современной политологической и правовой литературе можно найти множество различных дефиниций, в том числе и наиболее значимых в этой области понятий – «национальная безопасность», «государственная безопасность», и «общественная безопасность». Поэтому зачастую эти понятия отождествляются, что приводит к неточности их истинного содержания.

В этой связи необходимо уточнить и проанализировать содержание этих дефиниций. История политологического употребления термина «национальная безопасность» в мире начинается с 1947 г, когда в США был принят закон «О национальной безопасности». Для России термин «национальная безопасность», является относительно новым. Хотя в специальной литературе отмечается, что уже в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. есть упоминание термина «государственная безопасность» как схожего с понятием «общественная безопасность».

Во времена СССР категория «общественная безопасность» фактически сводилась к категории «государственной безопасности» и дифференциации этих понятий не было. А с 1934 г. при образовании в составе НКВД, главного управления государственной безопасности по-

нятийная характеристика термина «государственная безопасность» стала законодательно закреплённой, что затем и привело к государственному контролю за всеми сферами жизни общества. Так, в сферу государственной безопасности были включены функции идеологического контроля общественной жизни и надзора за исполнением гражданами своих обязанностей.

При этом в целях безопасности силовые органы стали использовать репрессивные и принудительные меры, включая подавление инакомыслия, преследование всякой критики политического режима и упреждение любых подозрений протестного поведения граждан. Ибо руководство страны, придерживаясь тоталитарной идеологии, следовало принципу огосударствления всех сфер жизни общества и приоритета государственных интересов над частными, личными и групповыми. Так, уже в Конституции СССР 1936 г. термин «государственная безопасность» получил юридическое закрепление и начал употребляться в документах советского государства, в правовой и научной литературе. И в последующем для советской политической действительности идеей государственной безопасности продолжала оставаться сама безопасность Советского государства, под которой на практике, подразумевалась безопасность политического режима и господствующего положения высшей партийной номенклатуры.

Но уже в период гласности конца 1980-х и демократии начала 1990-х гг. XX века в массовом сознании граждан отношение к государственной безопасности стало меняться. Безопасность общества, личности и государства детерминировалось демократическими идеалами. В либеральном дискурсе актуализировалась «демонизация» государства и его институтов. Но нельзя забывать, что обеспечение государственной безопасности – гарантия жизнеспособности любой страны, ее суверенитета, целостности ее территории и защищенности границ. И в нашей новейшей, постсоветской истории была опасность «парада суверенитетов», распада государства и его деградации. Этот процесс был связан с гипертрофированным, искаженным пониманием демократизации и аннулированием всех «старых» норм, что, в свою очередь, привело к социальной аномии, разгулу преступности, коррупции, то есть к отрицанию всякой безопасности для человека. Так, после августа 1991 года началось планомерное и поэтапное уничтожение Комитета Государственной Безопасности, органа, осуществляющего функции обеспечения социальной безопасности. Старые законы уже не

работали, а новых – еще не было, что приводило к ценностным рассогласованиям и нормативному вакууму. Защищенность жизненно важных интересов общества, личности и государства находились под угрозой, и нужно было восстанавливать структурно-функциональную субстанцию общества, всех его составляющих.

Необходимо уточнить, что более широко в Советском Союзе государственная безопасность понималась с точки зрения защиты интересов трудящихся и исходных оснований общественного и государственного устройства от посягательств со стороны враждебных социалистическому лагерю сил, претворяющих в действительность активную подрывную и идеологически разлагающую деятельность.

Однако государственную безопасность, возможно, стоит рассматривать несколько с иной позиции. А именно как состояние надежности и несокрушимости государственного и общественного строя, нерушимости его территориальной общности и независимости в определении курса внешней и внутренней политики. Кстати, в Большой советской энциклопедии термин «государственная безопасность» трактуется как совокупность мер по защите существующего государственного и общественного строя, территориальной неприкосновенности и независимости государства от подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб враждебных государств, а также от противников существующего строя внутри страны.

Смена в начале 1990-х гг. в России государственного строя привела к изменению отношения к проблеме обеспечения системы безопасности. Появились научно-теоретические разработки политической сущности безопасности личности, общества и государства. А понятие «безопасность» как политико-социальное явление стало трактоваться в контексте анализа системы понятий по защите интересов личности в системе «природа – человек – общество». Хотелось бы отметить также, что в это время наметилась тенденция специализации и дифференциации в исследованиях по проблемам безопасности, переноса центра тяжести на глобальный уровень решения проблем всего человечества, а также акцентирования роли региональной безопасности в системе национальной безопасности.

Итак, необходимо обособить два понятия, имеющих важнейшее значение для функционирования государства – национальную и государственную безопасность. Можно полагать, что сам термин «национальная безопасность» имеет более общее родовое происхождение, поскольку

касается таких понятий как нация, защита жизненно важных интересов в системе: личность – общество – государство. А государственная безопасность есть понятие скорее производное от понятия национальная безопасность, т.е. частное от общего. В принципе, когда в стране все было государственным, и безопасность была государственной. Но эти оба феномена имманентны социуму, и противопоставлять одно другому не следует.

Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечивать конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства [17].

Для научного анализа необходимо отличать систему национальной безопасности и систему обеспечения национальной безопасности, ибо система национальной безопасности есть функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов и угроз, а система обеспечения национальной безопасности есть организационная система исполнительной, законодательной и судебной власти, ФСБ, МВД, МИД, вооруженных сил, различных ведомств и служб, призванных разрешать вопросы по обеспечению национальной безопасности. В центре системы национальной безопасности стоят жизненно важные интересы личности, общества и государства. Но защита этих интересов от внешних и внутренних угроз не абстрактная категория, а непосредственная защита законных интересов граждан, суверенитета государства, целостности территории, воспроизводства общества и государства, их поступательное развитие. В этом заключаются и национальные интересы, а для государства не может быть ничего более конкретного и важного, чем защита этих интересов. Более того, именно они являются основной движущей силой развития общества и реальным основанием социальной активности людей и в этом значении выступают важнейшими причинами становления и модернизации общественной жизни, укрепления позиций государства в мире в целом.

В принципе, безопасность всегда связана с защитой процесса реализации интересов, но каковы конкретные интересы с учетом специфики регионов и из чего исходят различные акторы политического процесса – вот это сложная проблема для нашего многосоставного общества. Формирование интересов и их защита от внеш-

них и внутренних угроз в нашей стране всегда завилло от методов обеспечения безопасности, в первую очередь, силовых структур государства. Но интересы народа становятся движущей силой формирования общественных отношений только тогда, когда выражаются в действительной политике государства. Например, экономические интересы каждого члена общества находят отражения в законодательной сфере экономической стратегии развития производства, т.к. только государственная экономическая политика определяет всю деятельность по реализации материальных интересов, а вытекающая из этой политики стратегия определяет практическую их реализацию.

В современной российской науке понятие и сущностные особенности национального интереса особо активно стали изучаться с начала 1990-х гг., хотя и в Советском Союзе были идеологические «научно-коммунистические» трактовки, положения которых декларировали защиту интересов пролетариата от эксплуатации и лживого влияния буржуазных ценностей запада. Касаясь работ 1990-х гг., необходимо отметить научные исследования Т.А. Алексеевой, О.Ю. Романовой, Э.А. Позднякова, М.Б. Ильина, А.В. Федякина, С.В. Кортунова, И.Г. Яковенко. Так же стоит отметить и таких исследователей как К.Э. Сорокина и В.М. Шумилова, поскольку ими выдвигается положение, что наиболее верным для российской практики использовать понятие «государственный интерес», а не «национальный интерес». Но исследования К.С. Гаджиева, Л.И. Абалкина принципиально вводят в обращение термин именно национально-государственных интересов России. Так, за основное определение национальных интересов России предлагается принять следующее: национальные интересы – это совокупная потребность государства как во внутренних, так и внешних аспектах в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. Специалисты Южного научного центра РАН в течение ряда лет работали над серией атласов социально-политических угроз и рисков Юга России и накопили объемный фактический материал [6, с. 10], изменивший всю научно-информационную среду в направлении системного, комплексного анализа ключевых проблем как внутри южнороссийского макрорегиона, так и сопредельных странах, с ориентацией на защиту национальных интересов России, обеспечение мира и безопасности, устойчивого социально-экономического развития и поиск инновационного потенциала социальных ресурсов.

Жизненно важные интересы личности, общества и государства находят свое отражение в политике государства во многих областях жизнедеятельности. Ведь государственная политика определяет цели деятельности по реализации национально-государственных интересов, а вытекающая практика их реализации характеризует уровень возможностей власти, ибо характеризует все ветви власти по степени их достижений в реализации и защите поставленных целей развития. Однако в повседневности еще есть ситуации, когда при недостаточной ответственности государственных органов происходит постоянное нарушение интересов личности, что приводит к постепенному привыканию к безответственному нарушению прав граждан и безнаказанность за их нарушения. Естественно, есть ситуации, при которых часть населения России не умеет реализовать или не знает вообще какие национально-государственные интересы существуют, что не позволяет им сочетать свои интересы с государственными. В результате растет правовой вакуум, а это имеет серьезную угрозу национальной безопасности России, ибо приводит к несбалансированности интересов государства, общества и конкретной личности. Ведь именно от выработки и реализации взвешенных решений государства в сфере обеспечения национальной безопасности во многом зависит безопасность личности, общества и государства, как на федеральном, так и на региональном уровне [9, с. 129-140].

Но на практике зачастую некоторые цели не реализуются, это происходит в процессе рассогласования имманентно данного содержания с законодательно-правовым компонентом диалектически сложного процесса порождаемого различными факторами окружающей среды. А возникают они только из-за дисбаланса, связанного с социальным расслоением общества, не имеющего общих интересов, что приводит со временем к угрозам безопасности. Поэтому уровень защиты интересов в процессе их реализации есть показатель эффективности государственного управления в целом. В этом проявляется крайне важная функция государства в общественном развитии, что санкционирует обеспечение безопасности в качестве основы развития.

Поэтому национальная безопасность – это чрезвычайно сложная функциональная многоуровневая система, в которой непрерывно происходят процессы диалектического взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства с угрозами этим интересам, как внутренними, так и внешними.

При этом взаимодействии и противоборстве интересы и угрозы постоянно ощущают влияние со стороны других факторов внутренней и внешней окружающей среды на систему национальной безопасности. Нужно отметить и то, что принципы обеспечения национальной безопасности представляют собой директивные и наиболее значимые идеи, направленные на реализацию национальных целей. В современной политической теории национальная безопасность представляет собой совокупность условий и факторов защиты национальных интересов. Язык семантических структур наглядно показывает, что жизненно важными являются интересы личности, общества и государства, а дискурс-анализ основных категорий только наглядно демонстрирует, что понятийный аппарат системы национальной безопасности является диалектически развивающейся единицей. И именно анализ таких единиц позволяет осознать, что обеспечение безопасности государства раскрывается и посредством анализа понятийного аппарата и средств семиотики, раскрывающих базовую категорию – национальную безопасность.

Литература

1. Белов, П.Г. Системные основы обеспечения национальной безопасности России // Безопасность. Информационный сборник. – 1994.- № 6. – С. 88.
2. Бирюков, В.В. Некоторые аспекты применения системного подхода и методов имитационного моделирования в оценке военной угрозы // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. – М., 1992. – С. 239.
3. Дмитриев, А.П. Соотношение стабильности и безопасности государства как проблема политической теории и практики // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. – М., 1992. – С. 38.
4. Иванов, В.Н. Внутренние факторы безопасности // Проблемы безопасности и устойчивости социально-политического развития российского общества. – М., 1994. – С. 53.
5. Леоничева, В.Д. Техногенная безопасность // Безопасность. – 1992. – № 2. – С.45.
6. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Т. 3. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 10.
7. Молчановский, В.Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях. – М., 1994. – С. 104
8. Поликарпов, В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001.
9. Прохожев, А.А. Теоретико-методологические основы безопасности России // Безопасность России в XXI веке. – М.: РИЦ ИСПИ РАН – 2006. – С. 129 – 140.
10. Рождественский, Ю.В. Безопасность России и словесность (тезисные суждения) // Безопасность. – 1995. – № 3. – С. 83.
11. Рыжов, Ю.А. Стратегия безопасности страны // Армия и общество. – 1990. – С.380.
12. Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности. – М., 2006.
13. Сацута, А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма. // «Вестник Военного университета» – 2007. – № 3.
14. Тимохин, П.П. К формированию концепции безопасности России // Безопасность. – 1993. – № 6. – С.30.
15. Шарихин, А.Е. Безопасность как философская категория // Безопасность. – 1994. – № 6. – С. 112.
16. Юрченко, В.М. Информационная безопасность в полиэтническом пространстве. Краснодар: КубГУ, 2009.
17. Юрченко, В.М. Юрченко, М.В. Проблемы национальной безопасности Российской Федерации: региональный аспект (учебно-методический комплекс) Краснодар, 2010.
18. <http://www.nasledie.ru/politvnt>.

Юрченко Михаил Викторович – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского Государственного Университета, Краснодар, mvuyurchenko@mail.ru.

Давыдов Александр Владимирович – аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского Государственного Университета, Краснодар, davvv@rambler.ru.

Yurchenko Mikhail Victorovich – PhD (Political Science), the senior lecturer of department of political science and political management of Kuban State University, Krasnodar, mvuyurchenko@mail.ru.

Davydov Aleksandr Vladimirovich – post-graduate student of chair of political science and political management of the Kuban State University, Krasnodar, davvv@rambler.ru.

УДК 323.22

А.А. Иванова

ТРАНЗИТОЛОГИЯ И ЕЕ КРИТИКИ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

В данной статье рассматриваются основные транзитологические теории трансформации политического режима, а также несколько наиболее примечательных теорий, критикующих транзитологическую парадигму анализа в контексте российской трансформации.

Ключевые слова: политический режим, транзитология, трансформация политического режима.